

ДЖЕН РОБЕРТС

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

Я-ТЬМА

Д ж е н   Р о б е р т с
Я - Г Н Е В

ACT
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7 Сое)-44
Р 58

Jeyn Roberts
RAGE WITHIN

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Greenhouse Literary Agency Limited и Rights People, London.

Дизайн обложки *Виктории Лебедевой*

Перевод с английского *Екатерины Пташкиной*

Робертс, Джен.

Р 58 Я — гнев: [роман] / Джен Робертс ; [пер. с англ. Е. Пташкиной]. —
Москва : АСТ, 2014. — 410 [6] с.

ISBN 978-5-17-087607-5

Ариес, Клементина, Мейсон и Майкл пережили первую волну апокалипсиса, который стер с лица земли большую часть населения.

Многие из тех, кто остался в живых, превратились в загонщиков — жестоких убийц, не знающих пощады. Они намерены возродить павшую цивилизацию — только избранные могут попасть в созданный ими новый мир.

Но кем надо быть, чтобы заслуживать жизни?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7 Сое)-44

ISBN 978-5-17-087607-5

Copyright © 2012 by Jennifer Roberts
© Е. Пташкина,
перевод на русский язык, 2014
© ООО «Издательство АСТ», 2014

*Фине, прекрасной музе
и еще более прекрасной подруге*

Ничто

Приветствую.

Знаю, вы по мне соскучились.

Я и сам по себе соскучился.

Что вам сказать? Я шатался там и сям. Ходил и осматривался. Крался по улицам. Полз по туннелям. С пылающим взором шел по воде. Слизывал с ложек засохшую грязь и отдирал жвачку от ботинок, чтобы подкрепиться.

На самом деле все это неважно. Сейчас они оставили меня в покое, но я знаю, что это продлится недолго. Я нужен загонщикам. Они на секунду отпустили ниточки — и непослушная марионетка рванулась прочь. Во второй раз они не допустят такой ошибки. Я слышу, как они меня зовут. А теперь начали еще и высматривать. Я у них под колпаком. Рано или поздно они меня найдут и притащат за шиворот обратно.

И тогда все изменится.

Не успеете вы и глазом моргнуть, как история повторится. Помните, мы это уже проходили?

Когда человечество только-только вышло из первобытной жижи, они уже были рядом. Очевидно, кто-то выжил — иначе бы нас здесь не было. Но многие ли переживут этот раунд?

Тик-так. Тик-так.

Время на исходе.

Когда посреди города падает дерево, кто-нибудь это замечает? Слышит треск ствола? Видит, как над головой дрожат листья? Ощущает на лице порыв ветра? У кого-нибудь заходится сердце от отчаяния?

Спустя мгновение гравитация берет свое, и ствол, некогда величественный, превращается в дрова.

В рухлядь!

Или все просто идут мимо по своим делам, спешат на работу, с кофе в руке, с орущими плеерами, с трезвонящими телефонами, не обращая внимания на происходящее?

Нас предупреждали. Нас всегда предупреждают. Но мы пропустили все знаки. Мы решили их не замечать. Мы не верили.

И теперь с нами разделались.

Игра окончена.

Загонщики собирают армии по всему миру. Они завоевывают города и перекраивают цивилизацию по своим лекалам. Они себе на уме. И вам бы не понравились их мысли, ох как не понравились бы.

Я – ГНЕВ

Люди теперь считаются вирусом. Мутацией. Болезнью. Нужно очистить от них мир. Загонщики приглядят за теми, кто останется, чтобы те не вернулись к своим мерзким повадкам.

Иногда я просыпаюсь среди ночи. От необъяснимого ужаса, вызванного сном, которого я не могу вспомнить. Значит, вот такая у меня теперь жизнь? Я обречен до конца дней пытаться понять, что из этого кошмар, а что – реальность?

Кто я?

Я Ничто.

Правда?

Или я тот, из кого они вырастили верного слугу?

Я бы хотел, чтобы она просыпалась рядом со мной, когда лучи утреннего солнца щекочут ее подушку. Хочу, чтобы мы шли вдоль моря, держась за руки и нежно глядя друг на друга. Хочу спрятать ее подальше – в замок ли, в хижину, – туда, где она будет в безопасности и больше ничто не заставит ее плакать.

Но скорее я приставлю ей к горлу нож.

Тик-так. Тик-так.

Что дальше? Кто бы знал.

ТРИ НЕДЕЛИ ДО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЙ ДО КОНЦА СВЕТА ДО ПРОБУЖДЕНИЯ ЗАГОНЩИКОВ

МУЖЧИНА

Он любил подвал. Там было тихо. Очень тихо. И голоса в этой тишине звучали особенно громко.

Когда они впервые с ним заговорили, он старался не обращать на них внимания. Он видел по телевизору людей, которые съехали с катушек. Голоса в голове не сулили ничего хорошего. Он пытался их заглушить. Пил, глотал снотворное. Но голоса не уходили. Алкоголь все только усугубил. Голоса начали говорить жуткие вещи. Они шептали ему о грядущем. О том, что вот-вот должно произойти. О землетрясениях. Смерти. Хаосе. О том, какую важную роль он должен был во всем этом сыграть. Он не хотел верить.

Но со временем пришлось.

Ему объяснили его задачу в мельчайших подробностях. Он узнал, что от него требуется, и воодушевился. Он сыграет особую роль в событиях. Он нужен этому новому миру.

В подвале он всегда чувствовал себя комфортно. Там было темно и холодно, и жена не любила туда спускаться, считая это место слишком уродливым. Уродливым. Да, именно так она и говорила. Она предпочитала кружевные занавески и кровать с горой подушек, куда ему нельзя было ложиться, не помывшись.

Он держал в подвале почти все инструменты. Там стоял шкаф, сверху донизу заполненный всякими чудесными вещами. Там была электродрель. Бензопила. Десятки пластиковых коробочек с гвоздями, винтиками и прочей мелочовкой; он убедил жену, что все это ему необходимо. Он любил работать руками, а ей было не на что жаловаться — вещи у него получались отменные. Это занятие было ему по душе.

Сейчас он сидел за рабочим столом посреди подвала. Перед ним возвышалось диковинное устройство, которое он смастерил своими руками. Почти все необходимые сведения он почерпнул из Интернета; подумать только, сколько всего можно отыскать в Сети! До пришествия голосов он обычно залезал в Интернет только затем, чтобы проверить почту да обновить какой-нибудь порнушный сайт, пока жена не видит.

Теперь все это было неважно.

Сегодня утром жены не стало.

Он был слегка разочарован. Он знал, что ему предстоит убить жену, но не думал, что это придется делать в такой дикой спешке. Он хотел бы

посмаковать убийство, насладиться моментом, отыграться за все эти годы. Но жена его опередила. Пришла в его уютный рабочий уголок с каким-то дурацким вопросом. Увидев, чем он занят, она так и вытаращила глаза. Все смотрела и смотрела на динамит.

Посмотрев мужу в глаза, она закричала. Пришлось ее успокоить.

Теперь ее тело лежало в углу. Он даже и не подумал, что стоило бы избавиться от трупа. Он не собирался задерживаться в этом доме. Приближались землетрясения, а сразу после них он должен был встать и пойти туда, куда прикажут голоса. Впереди еще много работы. Но сначала надо добраться до соседнего города.

Когда он покончит с делами, там не останется ни одной живой души.

Сверху послышался шум — дети вернулись из школы. Трое детей. Мальчик и две девочки. Двенадцати, десяти и семи лет. Он ругнулся и посмотрел на часы, недоумевая, как это день так быстро прошел.

— Мам? Пап? — Старший сын кричал так громко, что и мертвого бы разбудил.

— Сейчас поднимусь, — сказал он, довольный тем, как спокойно прозвучал его голос.

Он взял со стола ружье и еще раз проверил, заряжено ли оно. Встал и чуть скривился — колени хрустнули. Потом развернулся и зашагал к лестнице. В голове шептали голоса, мягко обволакива-

ли, соблазняли. Они знали, что делать, и их слова звучали очень убедительно.

Не будет никаких угрызений совести.

Это просто-напросто работа.

ДАНИЭЛЬ

– Привет, Даниэль.

Он не поднял взгляд, продолжая рассматривать стены. Кто-то их недавно отмывал. Пытался оттереть грязные пятна. Трещины. Что-то с размаху врезалось в стену. Черные трещины на белой стене. Странно. Он почему-то ждал, что здесь будет чисто, но ошибся. На пыльном кафельном полу виднелись следы – кто-то пододвигал стул чуть ближе к окну. Ободранная дверь, погнутые, покореженные жалюзи – видимо, уборщики отлынивали от работы.

У женщины, которая стояла перед ним, не было белого халата и стетоскопа на шее. Она была одета в бежевый костюм, обута в кроссовки. С распушенными волосами, без очков.

Она выглядела во всех отношениях нормальной.

– Я доктор Коутс, – продолжила она, так и не дождавшись ответа. – Мне нужно кое о чем с тобой поговорить. Ну, ты и сам знаешь.

Даниэль скрестил руки на груди. Потом вспомнил, что читал об этой позе в статьях о психологии. Она считалась защитной. Так он сразу начи-

нал выглядеть виноватым. Как будто он что-то скрывает. Так что он засунул руки в карманы джинсов и принялся постукивать ногой о стол. Шнурки у него были грязные.

— Даниэль?

Он бросил на нее быстрый взгляд. В руках у нее был планшет с ручкой, но она пока ничего не писала — ждала, когда он заговорит. Изольет ей душу. Тогда она запишет его слова и сделает соответствующие выводы.

Ему было нечего сказать.

— Даниэль, ты знаешь, почему ты здесь?

Не говори ни слова. Они все равно ничего не могут сделать. Скоро это кончится.

Однако надо было сказать хоть что-нибудь. Он не хотел целый час таращиться на грязные стены. И почему люди все время хотят заполнить тишину звуками? Даже его мама круглыми сутками не выключала телевизор. Она говорила, что телевизор ее успокаивает, но никогда не приглядывалась к тому, что происходит на экране.

Дело в том, что он не знал, с чего начать. От этого разговора многое зависело. Он мог рассказать о том, что творилось в его голове, сотней разных способов — с разными последствиями. На чем же остановиться?

— Даниэль?

— Он первый начал.

Вот. Три слова. Не лучший выбор. Нужно было сказать что-то другое. В груди у него все сжалось.

Доктор Коутс приподняла уголки губ в улыбке:
— Значит, ты все-таки можешь говорить. Я уж подумала, что ты немой.

Даниэль пожал плечами.

— Отличное начало. Но нет, мы здесь не потому, что он первый начал.

Она подошла к столу и присела на краешек. Даниэль чувствовал запах ее шампуня. Или, может, лосьона для рук. Кокосового.

В комнате повисла тишина — доктор Коутс ждала, пока он снова заговорит. Даниэль знал: нужно что-то сказать, но что? Он был уверен, что обсуждать это бессмысленно. Что случилось, то случилось. Прошлого не изменишь.

Время не повернешь вспять.

А он хотел бы...

Нет, не хотел бы. Ты бы снова это сделал. Не отрицай. Ты ненавидел Чака Стейнберга. Ненавидел. Он всю жизнь обращался с тобой как с мусором. Помнишь, как он пнул бродячую собаку, которую ты кормил? И сказал твоей маме, что ты сам это сделал. А потом что было, помнишь? Нет, он это заслужил.

— Ты сказал полиции, что не помнишь, как это сделал. — Она свинтила с ручки колпачок и помолчала. — Так откуда же ты знаешь, что он первый начал?

— Это я помню.

Перед тем как продолжить, она сделала кое-какие записи.